

25. Walne Zgromadzenie Towarzystwa numizmatycznego // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – 1913. – №. 5. – S. 78–80.
26. Z okolic Dźwiny: księga zbiorowa na dochód czytelnicy polskiej w Witebsku. – Wilno – Witebsk, 1912. – XVI, 238, 11.
27. Zbiór numizmatyczny Muzeum w Rapperswilu // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – 1913. – №. 11. – S. 171.
28. Zjazd rady // Sprawozdanie z Zarządu Muzeum Narodowego Polskiego w rapperswilu za rok 1913. – Paryż, 1914. – 64 s.
29. Żmigrodzki, K. Kilka słów o nieopisanych polskich monetach prywatnych / K. Żmigrodzki // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – 1914. – Nr. 6. – S. 92–94.
30. Żmigrodzki, K. Medale wojenne szwajcarskie / K. Żmigrodzki // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – 1916. – Nr. 9. – S. 80–81.
31. Żmigrodzki, K. Wykopaliska monet w Wsole i Borszewicach / K. Żmigrodzki // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – 1934. – T. XV. – S. 85–89.

Журба О.И.
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ
И ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕХА
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИКОВ

Функционирование ученых архивных комиссий, как значимое явление в истории исторического знания, формировании региональной историографии, исторической культуры общества стало предметом интенсивного исследовательского внимания на волне перестроечного всплеска интереса к национальному и региональному прошлому.

Не стала исключением и деятельность Екатеринославской ученой архивной комиссии (далее – ЕУАК). Ее библиография уже насчитывает десятки позиций, от газетной публицистики до серьезных исследований, помещающих эту институцию в многочисленные дисциплинарные, биографические, культурологические, институциональные, краеведческие контексты [13].

Этот интерес не угасает и доныне. Ярким свидетельством тому стал недавний и, надеюсь, продолжающийся проект репринтного переиздания ставшей уже раритетом «Летописи Екатеринославской ученой архивной комиссии» (далее – ЛЕУАК / Летопись) [9; 10], главного детища ЕУАК. Сборник насчитывал 10 объемных томов, которые выходили с 1904 по 1915 гг. и выполнял важную задачу формирования и консолидации сообщества местных историков разного уровня подготовки: от любителей старины до маститых профессионалов со специальным университетским образованием и опытом исследовательской работы.

Выпуски ЛЕУАК представляют актуальность не только как библиографическая редкость. Это уникальный источниковый ресурс, аккумулировавший эксклюзивную информацию об истории Екатеринославщины, прежде всего второй половины XVIII – первой половины XIX вв., а также о той культурной, интеллектуальной, историографической атмосфере начала XX в., в которой в Екатеринославе начинало разворачиваться производство профессионального исторического знания и стали осваиваться соответствующие формы организации такой деятельности. Поэтому значение Летописи как главного интеллектуального продукта ЕУАК в изучении прошлого региона обусловлено, с одной стороны, тем, что подавляющее большинство материалов, помещенных на его страницах (обзоры и описи фондов частных и официальных архивных собраний, археографические публикации, исследования, опирающиеся на архивную информацию), погибло в перипетиях бурного XX века. С другой стороны – деятельность ЕУАК заняла особое место в процессе формирования гуманитарного и, прежде всего, историографического компонента быстрыми темпами модернизирующегося культурного ландшафта губернского центра. Как и в большинстве неуниверситетских городов Российской империи, ЕУАК стала ключевой институцией и весомым фактором формирования региональной исторической культуры, в том числе и цеха местных профессиональных историков [1].

Деятельность ученых архивных комиссий серьезно расширяла и усложняла историографическую карту империи, играла значимую роль в появлении новых историографических субрегионов [5; 7; 8], обозначала перспективы пересмотра представлений о месте региональной истории в репрезентациях отечественного исторического процесса.

Екатеринославская ученой архивная комиссия (1903 – 1919) вместе с Екатеринославским краевым историческим музеем им. А. Поля (1902) и Екатеринославским научным обществом

(1901) создавали региональную институциональную рамку, вокруг которой объединялись не только профессиональные научные силы и аматорская образованная публика, но и широкие слои тянувшейся к современным образовательным и культурным стандартам обывательской публики. Тесное взаимодействие всех уровней производителей и потребителей исторического знания / информации / представлений / стереотипов формировало неповторимый облик региональной исторической культуры, в которой ЕУАК «отвечала» прежде всего за функционирование профессионального цеха историков, в то время как Музей и Научное общество ориентировались, прежде всего, на налаживание коммуникаций с аматорско-обывательским контингентом.

Что касается термина «цех историков», то он обозначает устойчивое профессиональное сообщество способное к непрерывному самовоспроизводству и объединенное сформировавшейся институциональной и инфраструктурной сетью. Также оно вырабатывает свойственные ему способы, механизмы и направления научной и внеаучной коммуникации. Цех историков, как и любой другой цех, определяется выработанной продукцией, технологиями и подходами в её производстве: проблемно-тематическим репертуаром, набором источников, приемами их критики и интерпретации, методологическими и идейными ориентирами, комбинации и соотношения которых дают возможность выявлять качественные специфики профессионального сообщества и региональной историографии в целом.

На рубеже веков, привлеченные открывающимися карьерными возможностями быстро растущего губернского города, в котором бурно развивалась сеть средних и средних специальных учебных заведений, из разных регионов империи сюда потянулись и дипломированные историки. За полтора десятилетия они сформировали кадровый потенциал, ключевые институции стабильного функционирования исторического знания, заложили основы региональной исторической периодики, взвалили на себя бремя формирования исторической и архивной культуры края, подготовили почву для становления в недалеком будущем высшего исторического образования в Екатеринославе.

Среди них, прежде всего – Д.И. Яворницкий, В.А. Беднов, Д.И. Дорошенко, А.С. Синявский, В.В. Данилов, В.И. Пичета. Каждый по-своему, в меру своих сил, таланта, возраста, влияния на власть, профессионального и общественного коммуникативного потенциала, характера, занимаемой должности и множества других обстоятельств, – все они превратили Екатеринослав в один из важных центров провинциальной исторической науки, создав устойчивое сообщество профессионалов, с которым до сих пор продолжают идентифицировать себя современные историки. Свидетельств этого предостаточно. Так, с конца XX в. на базе истфака Днепропетровского национального университета и Днепропетровского исторического музея им. Д.И. Яворницкого стали регулярно проводиться «Яворницкие чтения», в начале XXI в. инициировано переиздание Летописи, с продолжением этого же издания идентифицировал свой проект главный редактор «Днепропетровского историко-археографического сборника» (1997). Казацкая, церковная, дворянская, краеведческая проблематика остается визитной карточкой днепропетровских историков. Пиетет перед отцами-основателями выразился в многочисленных студиях, посвященных их жизни и деятельности, а также в ориентации многих современных исследователей на образцы стиля и характера творчества конца XIX – начала XX вв., на их понимание смыслов историописания и историомышления. На институциональном уровне современные архивисты, историки и музейщики Днепра твердо осознают и связывают свои истоки с учреждениями и историками начала XX в.

В рамках ЛЕУАК, первого профессионального периодического издания в регионе, осваивались такие историографические жанры, как исследования истории исторического знания, археографические публикации, аналитические статьи, обзоры архивных собраний, информационные сообщения о новых изданиях исторической литературы и деятельности исторических институций.

Направления деятельности ЕУАК охватывали прежде всего Екатеринославщину: обследование местных архивов и библиотек, проведение археологических раскопок, публичные чтения на историческую тематику. В центре внимания оказывалось казацкое прошлое, церковная история, история знатных родов и выдающихся личностей, деятельность учебных заведений, театров, учреждений охраны здоровья. ЕУАК принимала активное участие в подготовке XIII Археологического съезда, неоднократно на своих заседаниях поднимала вопросы охраны исторического наследия (памятников истории и архитектуры, архивных и библиотечных собраний), прививая широкой общественности бережное отношение к истории и культуре края.

Вместе с тем процессу формирования екатеринославского пространства исторической и историографической культуры были присущи специфические характеристики, наложившие существенный отпечаток на его качественные параметры. Из них я бы отметил две наиболее яркие особенности. Во-первых, это «кадровый историографический импорт», что, конечно, связано с особенностями освоения и заселения Екатеринославщины и становления ее интеллектуального облика как неустойчивого конгломерата культурного опыта и исторической памяти многочисленных и почти что беспрерывных миграционных потоков с конца XVIII в. и до настоящего времени.

Как и родоначальники екатеринославского историописания середины XIX в. епископы Гавриил (Розанов) и Феодосий (Макаревский), первые профессиональные историки региона начала XX в. – Д. Яворницкий, В. Пичета, Д. Дорошенко, А. Синявский, В. Данилов, В. Беднов получили жизненный опыт, образование, навыки литературной и исследовательской работы вне екатеринославского региона, будучи выпускниками высших светских и духовных учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Одессы, Харькова, Нежина [3; 6; 11; 12]. Все они, за исключением В. Беднова, не были выходцами из Екатеринославщины, оказались тут случайно – в поисках работы, карьерного роста, по воле высшего руководства – в общем потоке миграций в быстро растущий, модернизирующийся, стремительно богатеющий регион империи. Так же легко практически все они, оставив свой след в истории и культуре Екатеринослава, по тем или иным причинам покидали город и регион, так и не ставший для них родным, близким, своим. Екатеринослав воспринимался ими как место временного проживания и службы, с которым не связывалось ни карьерное, ни личное будущее. Поэтому он так и не смог стать для из них своим, не чужим, городом с прошлым, настоящим и будущим которого они чувствовали бы неразрывную связь, за который ощущали бы ответственность, с которым идентифицировали бы себя.

Еще одной особенностью, тесно связанной с первой, является резкая, бросающаяся в глаза прерывность развития екатеринославской историографии. Историки не связанные с городом и краем ни культурно, ни лично легко его покидали, не оставляя учеников, не формируя научной традиции, профессиональной и интеллектуальной среды, ориентируясь, прежде всего, на внешние научные и социальные факторы. Проявилось это и на уровне основной тематики членов ЕУАК, отличающейся чрезвычайным разнообразием и отсутствием крупных работ, посвященных истории Екатеринославщины и Юга Украины в целом. Так, основным героем В. Пичеты в Екатеринославе продолжал оставаться Ю. Крижанич, которому была посвящена его научная работа, выполненная под руководством В.О. Ключевского в Московском университете. Основная работа В. Беднова, написанная в Екатеринославе, была направлена на штудирование истории православной церкви в Польше и Литве. В. Данилов занимался вопросами истории российской и украинской литературы, общественной мысли и фольклористики, Д. Дорошенко – общественно-политической публицистикой. И только для Д. Яворницкого, общественный статус и материальное положение которого среди других историков-профессионалов региона были наиболее гарантированы, Екатеринославщина смогла стать и второй родиной, и основным предметом изучения. В свою очередь, потребность местной исторической памяти в знаковых фигурах регионального масштаба способствовала восприятию личности директора исторического музея Д. Яворницкого, уже при его жизни, как своего, екатеринославского деятеля, способного стать одним из центральных узлов и городской, и региональной исторической мифологии.

Вероятнее всего, именно поэтому вокруг образа, в общем-то, провинциального историка второго эшелона, творчество которого пронизывал пафос местного патриотизма и казакофильской архаики, так дружно сплотились его нынешние последователи и почитатели, превратив мифологизированную личность «казацкого батька» в своеобразный символ и «нашей» екатеринославской истории, и «нашего» днепровского историописания [2].

Таким образом, создание и деятельность ЕУАК, в рамках которой впервые на локальном уровне осваивались формы и содержание работы профессионального историка, может представляться как завершающий этап в процессе формирования структуры региональной исторической культуры, понимаемой как «выработка и потребление всего спектра знаний и представлений о прошлом на всех социальных уровнях», где «каждый участник исторического публичного дискурса должен рассматриваться как равноправный игрок, формирующий общее историзированное пространство» [3].

1. Бердинских, В. А. Уездные историки. Русская провинциальная историография / В. А. Бердинских. – М. : НЛО, 2003. – 528 с.
2. Журба, О. І. Історіографічна доля Д. І. Яворницького / О. І. Журба // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України: Розвідки з теорії та методології досліджень. – Дніпропетровськ, 2008. – С. 220–223.
3. Журба, О. І. Культурна та історико-археологічна діяльність архієпископа Гаврила (В.Ф. Розанова) в Південній Україні / О. І. Журба // Дніпропетровський історико-археологічний збірник. – Дніпропетровськ, 1997. – Вип. 1. – С. 220–238.
4. Журба, О. И. Историческая и историографическая культура XVIII – начала XX века [Рец. на кн.: Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. – М.: Изд. Дом ВШЭ, 2012. – 551 с.] / О. И. Журба // *Ab Imperio* – 2016. – № 4. – С. 313–314.
5. Журба, О. И. Проблемы историографического районирования в презентациях истории украинского историописания / О. И. Журба // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: Матер. XXIII междунар. науч. конф. Москва 27–29 янв. 2011 / отв. ред. М.Ф. Румянцева. – М. : РГГУ, 2011. – С. 59–70.
6. Заруба, В. М. З вірою в українську справу: Антін Степанович Синявський / В. М. Заруба. – К., 1993. – 144 с.
7. Леонова, А. В. О построении модели исследования регионального историографического процесса / А. В. Леонова // Мир историка. – Омск, 2013. – Вып. 8. – С. 165–176.
8. Леонова, А. В. Историографический процесс второй половины XIX – начала XX вв. в региональном измерении (по материалам Слободской и Южной Украины): автореф. дис. ...канд. истор. наук / А. В. Леонова. – Днепропетровск, 2013. – 20 с.
9. Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии: в 11 вып. – Днепропетровск : Герда, 2010. – Вып. 1. Репринтное издание. – 336 с.
10. Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии: в 11 вып. – Днепропетровск : Герда, 2015. – Вып. 2. – Ч.І. Репринтное издание. – Ч.ІІ. Кодак пограничная крепость и её окрестности / М. Дубецкий; пер. с польского Е. Бугаёвой. – 504 [VIII] с.
11. Портнов, А. В. Історія істориків. Обличчя й образи української історіографії XX століття / А. В. Портнов. – К., 2011. – 237 с.
12. Світленко, С. І. Дмитро Яворницький: вчений та педагог в українському інтелектуальному співтоваристві / С. І. Світленко. – Д. : Ліра, 2015. – 312 с.
13. Симоненко, І. Губернські вчені архівні комісії в Україні: історіографічний огляд і бібліографічний покажчик / І. Симоненко. – К., 2003. – 132 с.

Колесникова М.Е.

СТАВРОПОЛЬСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ АРХИВНОГО ДЕЛА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ставропольская губернская ученая архивная комиссия (СУАК) была единственной архивной комиссией на Северном Кавказе. Объединив лучшие силы интеллигенции, комиссия сумела скоординировать усилия по изучению региона, спасти от уничтожения огромное количество исторических источников и памятников старины, своей деятельностью заложила основы архивного дела в регионе.

Вопрос о создании СУАК впервые был поставлен в 1886 г. секретарем Ставропольского губернского статкомитета И.В. Бентковским, но ходатайство удовлетворено не было [16, с. 2]. Между тем, все основания для создания архивной комиссии были. Это, прежде всего, наличие значительных комплексов документальных материалов, сохранность которых не обеспечивалась должным уровнем. Ставропольская губерния уже в конце XVIII в. имела богатейшие архивы, так как в период заселения и освоения Северного Кавказа здесь находились многочисленные государственные учреждения, управлявшие Кавказским краем. К середине XIX в. они уже были переполнены делами. В силу этого сохранялись главным образом лишь документы текущего делопроизводства и те, которые представляли практический интерес для него. Реформы последней трети XIX в. привели к возникновению новых, преимущественно гражданских учреждений, документы которых, наряду с упраздненными структурами, также стали поступать в архивы. Архивы часто меняли места своего пребывания, следуя за учреждениями, которые перемещались из Екатеринодара в Астрахань, Георгиевск, затем в Ставрополь. Многие бумаги оставались на старых местах, и судьба их была неизвестна.

Вопрос о создании СУАК вновь был поднят в 1905 г. [15, с. 2; 11, с. 3]. Прошение об ее учреждении было подписано на заседании Ставропольского статкомитета 19 августа и 30 ноября было удовлетворено [1, л. 1, 2, 27]. Официальной датой открытия комиссии считается 17 февраля (по новому стилю 2 марта) 1906 г., когда состоялось ее первое заседание [5, л. 17]. На нем